

ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ В ИСТОРИИ РОССИИ (XIX – начало XX в.)

Прежде чем перейти к изложению основного материала, отметим следующее:

1. В данном сообщении речь будет идти о роли и месте немецко-меннонитского населения лишь одного из регионов их поселения, а именно, юга Российской империи, ставшего позже органической частью Украины.

2. Крупные анклавные немцев и меннонитов, занятых сельскохозяйственным производством в других районах Российской империи (в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке), процессы, проходившие в них, сознательно нами опущены по причинам масштабности материала и невозможности в одном сообщении представить его даже фрагментарно. Кроме того, при наличии ряда специфических особенностей процессов, проходивших в них, присутствуют и явно доминируют элементы, свидетельствующие о системной унификации важнейших черт событий и явлений, имевших место на всей территории Российской империи и СССР.

3. За рамками сообщения остались городские немцы и меннониты. Изучение их судеб в контексте истории дореволюционной, межвоенной и послевоенной ещё во многом предстоит.

4. Не касаемся мы и вопросов религиозной, социокультурной жизни колонистов.

Последние полтора десятилетия стали периодом напряжённой работы по восстановлению отечественной истории. Немалое место среди проблем, ранее практически не освещавшихся, занимает история пребывания этнических немцев на территории нашей страны, их участие в хозяйственной, культурной и общественной жизни.

С середины 90-х гг. XX ст., когда появились первые работы, посвящённые немцам и меннонитам в России [1], объём литературы по проблеме начал стремительно увеличиваться. Особенно активно изучаются вопросы переселения в Россию [2], внутренней миграции в XIX-XX ст. [3], правовые и государственно-политические аспекты жизнедеятельности немецкой диаспоры в России и в СССР [4], экономическая [5] и духовная жизнь немецкого населения в контексте исторического развития государства [6], влияние социальных потрясений на судьбы народа, когда немецкие и меннонитские сообщества оказывались в экстремальной ситуации как в силу этнической принадлежности, так и в связи со спецификой религиозных воззрений, хозяйственной деятельности и т. д. [7].

Большой массив литературы относится к периоду Великой Отечественной войны, повлекшей за собой кардинальные изменения в жизни украинских и российских немцев [8].

Заметный вклад в исследовательскую работу внесли сотрудники Института украинско-германских исторических исследований, работающего при кафедре всемирной истории Днепропетровского национального университета. Среди нескольких сотен подготовленных ими материалов – статьи, монографии, освещающие различные аспекты проблемы [9].

Итогом многолетней историко-этнографической, экспедиционной и исследовательской работы стала вышедшая в июле 2006 г. коллективная монография, освещающая историю меннонитских колоний Екатеринославщины [10], включившая в себя лишь небольшую часть собранного и обработанного материала.

Комплексные исследования аналогичного характера предпринимались учёными Одессы [11], Симферополя [12], Донецка [13], Николаева [14].

Важно отметить, что большинство авторов стремится объективно показать особенности жизни немецкого населения в условиях специфического этнонационального окружения, оценить вклад колонистов в социокультурное развитие регионов.

Вместе с тем в некоторых исследованиях встречаются бездоказательные положения (часть которых носит сугубо политизированный оттенок) о том, что этнические немцы так и остались инородным телом на территории России. Есть случаи, когда их рассматривают как людей, захватывавших всё новые и новые земли в ущерб автохтонному населению. При этом авторы оперируют статистическими данными, не удосуживаясь проанализировать причины увеличения сельскохозяйственных площадей, принадлежащих немцам и меннонитам. И уж совсем ненаучной оказывается оценка немцев и меннонитов как своего рода «туристов», побывавших на просторах Украины и отбывших в другие, более «комфортабельные» места.

Подобные заявления в определённой степени перекликаются с утверждениями ряда российских авторов, прозвучавшими в конце XIX ст. и особенно усилившимися накануне Первой мировой войны, о «немецком засилии», о «немцах-колонизаторах», о «мирном завоевании немцами России» [15].

Эти, с позволения сказать, «исторические пассажи» давно уже были опровергнуты серьёзными исследователями и осуждены общественностью как шовинистические. Однако, к сожалению, мы вынуждены сегодня констатировать, что в отдельных работах стал вновь появляться явный негативизм в оценке роли и места немецкого этноса в судьбах России и Украины.

Ни в малейшей степени не идеализируя образ «российского немца», мы хотели бы высказать свою точку зрения по поводу того, кем же были немцы и меннониты, проживавшие на территории нашей страны – поселенцами-колонистами или колонизаторами.

Прежде всего, нужно отметить, что термин «колонизация» означает массовую иммиграцию граждан из какой-либо страны в силу перенаселения, политических и религиозных гонений и т. д. и освоение, «обживание» ими новых территорий [16]. Напомним, что это явление не имеет ничего общего с колониализмом – государственной политикой, направленной на приобретение и расширение владений в других частях света с целью найти рынки сбыта для избытка товаров фабрично-заводской промышленности [17].

Исходя из установившейся трактовки данных терминов, рассмотрим историю появления и пребывания представителей немецкого этноса на землях отечества. Первое упоминание о немцах на юге относится к X ст. (купцы, миссионеры, путешественники). В XI ст. в Киеве, Луцке и Владимир-Волынском были основаны торговые представительства ганзейских купцов. Расширению немецких поселений способствовали политические контакты, династические браки. В XI ст. известны три брачных союза киевских князей с немецкими династиями. В частности, дочь киевского князя Всеволода Ярославовича, Евпраксия, была супругой германского императора Генриха IV.

Позже в западных регионах Украины появились немецкие торговцы, ремесленники, крестьяне. Последних было меньше, чем городских немцев. Немецкое купечество, ремесленники добились для себя в XII-XIV ст. Магдебургского права, которое со временем получили целые города (Киев, Львов, Луцк, Каменец-Подольский). Эти контакты прервало татаро-монгольское нашествие. После изгнания захватчиков галицко-волыньские князья встали на путь приглашения в свои земли немецких мастеров, строителей, торговцев. Встречались немцы и среди украинского казачества на Запорожской Сечи.

Присоединение Украины к России в XVII ст. усилило турецкую экспансию на эти земли. Результатом стала русско-турецкая война 1676-1681 гг., закончившаяся подписанием Бахчисарайского мирного договора 1681 г., признавшего присоединение Левобережной Украины и Киева к России. Границей между нею и Турцией становился Днепр. Серия русско-турецких войн (1686-1699, 1735-1739, 1787-1791) имела своим итогом присоединение к России Азова, побережья Азовского моря, Крыма, а значит – получение ею свободного выхода к Чёрному морю.

Новые территориальные приращения России в XVIII ст. и ликвидация Запорожской Сечи резко изменили миграционную и демографическую ситуацию. В начавшемся интенсивном заселении южных земель, обозначились две тенденции: свободная народная колонизация и регулируемое и стимулированное властями переселенческое движение. Народная и правительственная колонизации переплетались и сосуществовали параллельно. Каждая из них имела свои цели и решала свои задачи.

Доступ иностранным колонистам в новые владения Российской империи открыли специальные правительственные мероприятия, начатые с 1751 г. На первый план в тот период выходили военно-стратегические соображения: с помощью иностранных переселенцев планировалась защита границы малозаселённых районов Малороссии и Слобожанщины. Однако практика создания военизированных поселений впоследствии не оправдала себя.

Следующий этап переселенческой политики российского правительства начался в 60-е гг. XVIII ст. Теперь на первый план выдвинулись вопросы хозяйственного освоения новых земель. С момента публикации Манифеста Екатерины II от 4 декабря 1762 г., приглашавшего переселяться в Россию «всех желающих иностранцев», под практику привлечения в Россию немцев была подведена юридическая основа [18]. Необходимость активизации переселенческого движения, поиск путей повышения его эффективности, заставили обратиться к международному опыту. Так появился Манифест от 22 июня 1763 г., где была оговорена система льгот и обязательств правительства России по отношению к переселенцам.

Первые немецкие колонии на юге появились в 1763-1774 гг., тогда на Черниговщине возникли шесть поселений (Кальчиновка, Рундвизе, Белые Вежи, Городок, Большой Вердер, Малый Вердер). В конце 80-х гг. XVIII ст. переселились ещё 228 немцев – данцигских лютеран и меннонитов. Они основали восемь колоний: Хортица, остров Хортица, Нейндорф, Розенталь,

Эйнлаге, Кронсвейде, Нейнбург, Шенгорст. Немецкие колонии возникли в Херсонской, Таврической губерниях, на Киевщине, Харьковщине.

Основными регионами расселения немцев стали южные, имевшие название Новороссии, а также западные земли. В 1858 г. в южных губерниях проживало 138,8 тыс. немцев. Спустя срок лет, по первой переписи населения России здесь уже было 377,8 тыс. человек, что составляло 3,5 % населения Новороссии [19].

В 50-х гг. XVIII ст. немецкие колонии стали появляться в Галиции, на Буковине, в Закарпатье. Со временем возникли немецкие поселения и на Волыни, где по переписи 1897 г. немцы составляли 5,7 % (171,3 тыс.) всего населения края [20].

Немецкие колонисты и меннониты, прибывшие на эти земли, были разнородны в социальном отношении. У них существовали разные побудительные мотивы для переселения. Одни выезжали в силу религиозных мотивов (меннониты), другие спасались от неблагоприятной для них политической обстановки в условиях наполеоновских войн, третьи покидали родные места вследствие аграрного перенаселения, четвёртые своей миграцией выражали протест против существовавших на родине социальных отношений. Таким образом, стартовые условия для развития колоний были неодинаковы.

Процесс адаптации в новых условиях проходил достаточно сложно. Колонисты оказались в условиях социально-экономического, этнического и естественно-географического контекста, далёкого от условий жизни на земле предков. Кроме того, уже в 1810 г. положением российского Кабинета министров была отменена выплата субсидий переселенцам, а после 1842 г. приехавшие в страну не только перестали получать льготные казённые наделы, но постепенно лишились всех ранее предоставляемых льгот [21]. Тем не менее, наличие плодородных почв, близость к азово-черноморским портам, рациональное использование земли, работоспособность, любовь к порядку, проявление этноконфессиональной специфики в производственной деятельности стали реальными факторами, позволившими колонистам добиться значительных успехов в хозяйственном развитии.

Уже с самого начала своего существования немецкие и меннонитские колонии юга России стали наглядным примером того, что национальное самосознание может длительное время сохраняться при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра. Имевшая место в южном крае естественная ассимиляция инонациональных переселенцев доминирующим этносом региона для немецких и меннонитских колонистов была исключена. Немецко-меннонитские переселенцы не только не подверглись естественной ассимиляции, но наоборот вобрали в себя отдельные малочисленные этносы, приехавшие подобно им осваивать Новороссию (пример франкоязычных швейцарцев колонии Шабо).

Немецкие колонисты и меннониты перенесли на новую почву свои формы материального быта, моральные нормы, этнические идеалы, в меньшей степени общественные институты. Их населения представляли собой вполне определённое хозяйственно-административное и идеологическое целое, включающее общую религию, общинные связи, систему взаимопомощи. Это помогало сохранять высокий уровень национального самосознания в инонациональном окружении. Национальный характер, особенности национальной психологии дополняли особый статус колонистов и отгораживали их от других жителей края. Однако культурно-бытовая изоляция со временем стала нарушаться, и главной причиной этого становились товарно-денежные отношения, необходимость общения в сфере хозяйственной деятельности. Шёл процесс взаимообогащения культур.

В силу объективных и субъективных причин колонисты имели высокий уровень обеспеченности землей. В конце XIX – начале XX ст. зажиточность немецких колонистов, ремесленников, предпринимателей имела тенденцию к непрерывному увеличению [22].

Темпы роста численности колоний были значительны. Так, если в 20-х гг. XIX ст. в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях численность колоний была соответственно следующей: 40, 50, 26, то в 1915 г. их число достигло соответственно 182, 329, 233 [23]. После отмены крепостного права (1861) массовыми стали поселения немцев на Волыни, Киевщине, Слобожанщине.

В ряде районов Юга России группы близкорасположенных немецких и меннонитских колоний образовали целые административно-территориальные единицы – волости, созданные после ликвидации округов в 70-е гг. XIX ст. Удельный вес колонистского населения в них состав-

лял от 50 до 100 % [24]. К 1917 г. подобных колониетских волостей было более 40. Кроме колоний, немцы-колонисты и меннониты проживали в многочисленных хуторах и имениях, купленных или основанных крупными и средними землевладельцами из числа колонистов. К началу революции 1917 г. такие имения и хутора имелись практически в каждом уезде.

Одним из условий наделения колонистов землёй было развитие ими садоводства и степного лесоводства. Первые образцовые лесные массивы были созданы уже в 1806-1810 гг. Большая заслуга принадлежала в этом деле соответствующему обществу, во главе которого стоял И. И. Корнис. На лесопосадки колонисты тратили большие суммы из общественных фондов. Наличие общественного сада было обязательным для каждой колонии [25].

Экономическая деятельность колонистов распространялась на промышленность, связанную с сельским хозяйством. Особенно преуспели в этом меннониты. К 1912 г. им принадлежало на Юге России 25 предприятий, изготовлявших плуги, молотилки, веялки и различный земледельческий инвентарь. Они выпускали продукцию на сумму 23 млн. руб. в год [26]. Во владении немцев-колонистов находилось 12 таких предприятий с годовым оборотом в 3 430 тыс. руб. Роль колонистов в сельскохозяйственном машиностроении была велика. В 1911 г. из 200 паровых молотилок, произведенных в Российской империи, 68 были изготовлены на двух предприятиях меннонитских предпринимателей «Лепп и Вальман» и «Братья Классен» [27]. Важным было влияние колонистов на развитие мукомольной промышленности, но не менее значительным был их вклад в развитие предприятий, производивших строительные материалы. В Мелитопольском уезде (Таврическая губ.) немецким колонистам принадлежали 17 из 22 имевшихся там кирпично-черепичных заводов. В Бердянском уезде (Таврическая губ.) меннониты владели 12 из 37 таких предприятий [28]. Только меннонитская промышленность четырех волостей (Хортицкой, Гальбштадтской, Гнаденфельдской и Николайпольской) производила более 6 % сельскохозяйственной техники всей России и более 10 % – Украины [29].

Крупным торгово-промышленным центром Причерноморья стала Одесса [30]. Иными словами, немецкое и меннонитское производство играло значительную роль в социально-экономическом развитии Юга России.

В целом же немецкие и меннонитские переселенцы, обустроившиеся здесь в XIX в., полностью адаптировались в новой для них обстановке и, по мнению известного исследователя того времени А. Скальковского, составляли лучшую часть земледельческого населения.

Однако со временем в пореформенной России возник и стал набирать силу так называемый «немецкий вопрос», переросший в тезис «о мирном завоевании немцами» России [31]. Появление этого «вопроса» не было чем-то особенным. Ибо в обществе не менее активно обсуждались «польский», «еврейский», «украинский» вопросы.

Специфика «немецкого вопроса» в южных губерниях состояла в том, что он был отягощён экономическими и геополитическими факторами и породил страх возможности сецессионных настроений.

Дело в том, что немецко-меннонитские хозяйства достаточно быстро и органично вмонтировались в новые социально-экономические условия [32]. Определённая часть колонистов вела свое хозяйство по капиталистическому типу, формируя слой торгово-промышленной буржуазии, создавая особые экономические зоны. Более того, идеологические постулаты протестантизма и вероучения меннонитов играли роль своеобразных катализаторов хозяйственной, предпринимательской энергии колонистов. Всё это создавало условия для быстрого развития колоний, усиливая тем самым конкуренцию российским производителям, порождая в последних чувство зависти, создавая почву для германофобии. Немецкие колонисты были органически связаны с сельскохозяйственным производством, с землей. Аграрный вопрос у них, как и в России в целом, был главным.

Основной сферой экономической деятельности немецкого и меннонитского населения России в начале XX ст., как и в предшествующий период, оставалось сельское хозяйство. Однако к этому времени существенно изменились роль и место колонистов в аграрном секторе экономики региона. Колонисты заняли лидирующие позиции в некоторых из её отраслей. Мощь колониетского хозяйства в первую очередь была обусловлена значительными массивами пахотных земель им принадлежащих. Основу владений составляли так называемые надельные земли, дарованные царским правительством колонистам в конце XVIII – первой половине XIX ст. в вечное наследственное владение. Площадь таких земель на Юге России составляла 650 тыс. дес. [33]. Однако со временем повсюду стало возникать аграрное перенаселение, наблюдался рост социального напряжения. Не

миновала эта беда и населения немецких, меннонитских колоний. В некоторых из них число безземельных достигало 56-70 % [34].

Желая изменить ситуацию, общины колонистов стали на путь покупки или аренды земли для безземельных, создавая тем самым дочерние колонии. В результате постоянных покупок земель как колонистскими общинами, так и отдельными колонистами, их земельные владения увеличились в несколько раз. К началу Первой мировой войны колонистам принадлежало на Юге России 20 022 035 дес. пахотной земли. Особенно большой их массив располагался в Причерноморье. Так, в Екатеринославской губернии земельные владения колонистов составили 10 % от всей площади обрабатываемых земель, при доле их среди населения – 3,8 %. В Херсонской губернии колонисты владели 8,6 % земли, при доле их среди населения – 4,5 %. В Таврической губернии – 19 % земли, при численности их среди населения – 5,4 %. В некоторых уездах процент земель, принадлежавших колонистам, был значительно выше, чем в среднем по губерниям, в состав которых они входили. В Одесском уезде Херсонской губернии колонисты владели 27,3 % земель, в Тираспольском уезде (Херсонская губ.) – 16,2 %; в Екатеринославском уезде Екатеринославской губернии 19 %, Александровском (Екатеринославская губ.) – 18 %, Бахмутском (Екатеринославская губ.) – 14 %; Перекопском (Таврическая губ.) – 32,7 %. В среднем на каждое немецкое хозяйство приходилось земли в 3 раза больше, чем на проживающего там же украинского крестьянина. Показательной была ситуация и в социальном плане: в 1905 г. из 300 помещиков одесского региона 176 были немцами.

Параллельно этому шёл процесс разрушения дворянского землевладения и продажа земли немецким колонистам. Ситуация усложнялась и ростом цен на землю, увеличением размеров арендной платы, нехваткой земельных площадей у российского крестьянства, проживавшего рядом с немецко-меннонитским населением.

Такое положение не могло не вызвать соответствующей реакции части общества, что и положило начало антиколонистскому, фактически антинемецкому движению. Эти настроения нашли своё отражение в национальной политике государства. Национализм постепенно вытеснял аристократически-космополитический традиционализм, заменяя его православным традиционализмом, ксенофобией национализма.

И, наконец, создание в 1871 г. Германской империи, превратило часть колонистов, ранее остававшимися подданными Баварии, Вюртемберга, Гессена и т. д., в подданных вильгельмовской Германии. Большая политика делалась за столом дипломатических переговоров, на поле боя. Разменными пешками в ней стала судьба российских немцев.

Многочисленные журналы и газеты публиковали материалы по «немецкому вопросу» [35]. С началом Первой мировой войны в России началась широкомасштабная антинемецкая кампания. В ней патриотизм солидаризовался с шовинизмом, национализм шёл рядом с этнофобией. Прозвучал призыв к борьбе с «внутренним врагом». Государство приступило к созданию и практической реализации «ликвидационных законов», направленных, прежде всего, против лиц немецкого происхождения как выходцев из страны, с которой Россия находилась в состоянии войны [36].

Дело не ограничилось вопросами землевладения, землепользования, права собственности, использования родного языка. Согласно этим законам (2 февраля и 13 декабря 1915 г.) из прифронтовой зоны высылались все немцы, в том числе и те, чьи сыновья и мужья находились в действующей армии. Запрещалось использование немецкого языка в школах и церквях, издание немецкоязычных газет и книг. В ряде губерний запрещалось собираться вместе больше чем 2-м немцам-мужчинам, ликвидировалось «немецкое землепользование». Речь шла не просто о нарушении прав граждан, но и прав частной собственности. Во многих случаях закон февраля 1915 г. не только не имел здравого смысла, но и оскорблял этнические чувства. Несправедливым в этом законе было и то, что в то время как «немецкий колонист шёл как русский солдат на войну, рискуя своей жизнью», в тылу у него отбирали землю» [37]. Действительно, в годы Первой мировой войны в русской армии находилось около 250 тыс. бывших колонистов. Были среди них раненые и убитые, награждённые орденами, медалями. Более 15 % меннонитского населения проходили санитарную службу в военных ведомостях. Кроме того, ряд меннонитских предприятий успешно выполнял большие военные заказы.

Земля была одной из ключевых проблем России того времени. От способа решения аграрного вопроса, зависело не только социальное спокойствие страны в будущем, но и само её будущее. Российская армия в большинстве своём состояла из вчерашних крестьян. И им было обещано, что

после возвращения с фронта они получают землю из земельного фонда, созданного за счёт земель немецких колонистов. Эта идея многократно повторялась на страницах прессы.

В такой обстановке трудно было рассчитывать на цементирующий эффект морального фактора (в личности самодержца) в воюющей стране. Напротив, социально-политическая обстановка России 1915-1917 гг. даёт в определённой мере ключ к пониманию последующих политических событий, связанных с отречением Николая II, гибели царской семьи, революции и кровопролитию гражданской войны, последовавшей за ней. Именно в этот период произошло своеобразное наложение экономического, политического и национального факторов. Это придало происходившим процессам характер тектонической катастрофы, последствия которой сказались на всей последующей истории. События периода Первой мировой войны стали начальным этапом разрушения национальной самобытности немцев России.

Февральская революция 1917 г. была воспринята немцами и меннонитами в основном с удовлетворением, ибо в ней они увидели силу, освободившую их от самодержавия, нанесшего им в последние годы своего существования тяжёлые материальные и моральные утраты.

Провозглашённые Временным правительством демократические свободы: равноправие всех граждан, свобода слова, совести, печати, союзов и т. п. отвечали их политическим идеалам. Весной 1917 г. Временное правительство приостановило (но не отменило) исполнение ликвидационных законов и сняло запрет на издание немецкоязычной прессы.

Однако Временное правительство не смогло удержать ситуацию под своим контролем. Усталость от войны, нерешённость основных вопросов и, в первую очередь, земельного, политизировало общество, подталкивая наиболее заинтересованные его силы (крестьян, солдат, основная масса которых рекрутировалась из тех же крестьян, рабочих) на сторону радикальных политических сил. Революционные волны одна за другой катились по просторам империи. За февралем последовал Октябрь 1917 г. [38].

В Украине события развивались согласно общероссийскому «сценарию», но при наличии своих национальных и региональных особенностей. После Февральской революции крестьяне, страдавшие от аграрного перенаселения, присвоили около 60 % земли и инвентаря, ранее принадлежавшего помещичьим хозяйствам. Но земля была не только у помещика, ею владели хуторяне, колонисты. Они также становились объектом насилия. Процесс этот принял лавинообразный характер и не прекращался вплоть до подписания Брестского мира в марте 1918 г. и вступления в Украину немецко-австрийских войск.

Положение в Украине не позволяло ей выполнять межгосударственные договоренности о поставках продовольствия, жизненно необходимого для немецкого командования. Это заставило его встать на путь непопулярных мер – с помощью австро-немецких войск изымать хлеб у населения [39]. В этот момент стали выявляться моменты этнофобии, породившие «революционный национализм».

Если до войны и революции украинское население проявляло в отношении немцев и меннонтов этнотерпимость, которая обуславливалась, скорее всего, общей архаичностью политической культуры и неразвитостью отечественного национализма, то присутствие и действия австро-немецких войск в Украине в 1918 г. стали своего рода катализирующим фактором для развития межэтнических конфликтов. Кроме того, правительство П. Скоропадского, пришедшее к власти после роспуска австро-немецким командованием Центральной Рады, восстановило право частной собственности на землю. А это означало необходимость возвращения крестьянами захваченной самочинно или полученной от Советов земли и инвентаря бывшим владельцам. Для реализации этого в села направлялись карательные отряды, действовавшие совместно со специальными немецкими и австро-венгерскими военными частями. Тем временем на хутора, в имения стали возвращаться колонисты. Они обращались за помощью к этим воинским подразделениям.

Следующим моментом, провоцировавшим этнофобию, было активное участие колонистов, главным образом из числа потерпевших от экспроприации, вместе с другими крупными землевладельцами, в акциях по ликвидации революционного движения в украинских селах [40]. Всё это усиливало антинемецкие настроения в обществе. В то же время богатые хлебом, скотиною, имуществом, их поселения стали объектом реквизиций и грабежей различных военно-политических формирований, просто преступных банд. В этой ситуации с лета 1918 г. немецко-меннонитское население начало принимать меры по организации самообороны. Помощь им в этом оказывало командование австро-немецких частей.

В то же время создание отрядов самообороны противоречило одному из основных постулатов меннонитской веры – отказу от ношения оружия и прохождения военной службы. Однако угрозы самой жизни заставила меннонитов создавать отряды самообороны во многих своих колониях.

Вывод австро-венгерских и немецких войск с Украины и очередной этап гражданской войны, породивший лютое противоборство между белыми, красными, сторонниками С. Петлюры, зелёными, махновцами обернулся для населения Украины очередным витком кровавых столкновений [41]. Для немецко-меннонитского населения такое развитие событий стало поистине трагичным. Ненависть украинского населения к политике реквизиций, реставрации прав собственности, проведённая раньше немецко-австрийскими войсками, обрушилась на колонистов. Кроме того, часть политических деятелей почувствовала возможность, с выгодой для себя, манипулировать различными сочетаниями социализма и национализма. Небывалых размеров достиг этнонациональный компонент.

Таким образом, можно утверждать следующее:

– немецко-меннонитские поселения сформировались в специфических экономических районах, главной чертой которых было свободное развитие товарно-денежных отношений и предпринимательской деятельности. Формирование «особых зон» было результатом асинхронности исторического развития региона в условиях специфической политики колонизации. Однако изучение механизмов, стимулов и факторов развития, особенно меннонитского предпринимательства, показывает, что следует отказаться от популярной в современной историографии идеи отводить меннонитскому региону роль своеобразного движущего механизма, который способствовал экономическому развитию окружающих территорий. Данный тезис можно считать за истину лишь при рассмотрении отдельных периодов истории меннонитов на Юге России. Для Российской империи наличие таких промысловых центров, в сравнении с соседними большими угольно-металлургическими комплексами Донбасса и Криворожья, безусловно, имело локальное значение, но оно содействовало общему экономическому развитию южного края;

– жизнь немецко-меннонитского населения южных регионов России на протяжении XIX–XX вв. зависела не только от внутренней политики государства, в условиях которых они существовали, но и от внешнеполитической ситуации. Отношения с Германией проецировались и на отношение правительства к «внутренним немцам». Социально-экономические изменения второй половины XIX в. в российском обществе и развитие международных отношений стали основой начала процесса трансформации позитивного образа «русского немца» в негативный. Коренным перелом в отношении к российским немцам в общественном сознании значительной массы россиян произошёл непосредственно под влиянием Первой мировой войны. Если до войны и революции население Юга России проявляло в своей массе по отношению к немцам и меннонитам этнотерпимость, то присутствие и действия австро-немецких войск в 1918 г. стали своеобразным катализатором для развития межэтнических конфликтов.

Однако в 20-е гг. XX в. в условиях известной нормализации межнациональных отношений (на советских принципах), реализации политики коренизации и нормализации отношений с Германией, немецкое население России получило шанс для своего развития в новых социально-политических условиях. Однако уже в 30-х гг., в связи с формированием тоталитарной системы в СССР, на фоне ухудшения отношения с нацистской Германией против немецкого населения начались масштабные политические репрессии. Гильотина репрессий практически непрерывно опускалась на жителей немецких сел, на немцев, проживавших в городах. Все они обвинялись в шпионаже, вредительстве, контрреволюционной деятельности. Репрессивная политика в отношении советских немцев не прекращалась фактически до конца 50-х гг. XX ст. Это привело почти к полной утрате Советской Украины своего немецкого населения и уничтожения его культуры.

1. Кулинич І. М., Кривець Н. В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. – К., 1995: Чирко Б. В. Національні меншості України в 20-30-х рр. – К., 1995: Малиновский Л. В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998: Ченцов В. В. Трагические судьбы. – М., 1998.
2. Плеве И. Р. Приём иностранных колонистов в России и отправка к месту переселения в 60-х годах XVIII в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998.
3. Малиновский Л. Столыпинская реформа и немецкая деревня в России 1900-1917 гг. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941. – М., 2002.

4. Шадт А. Правовой статус немецких колонистов в России XVIII – XIX вв. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941. – М., 2002; Бобилева С. Міжнародний досвід у європейському законодавстві про іноземних колоністів XVIII ст. // Німецькі колонії Галичини. – Львів, 1996.
5. Венгер (Осташева) Н. Формирование торгово-промышленной элиты на территории меннонитских колоний юга Украины (вторая половина XIX в. – 1917) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941. – М., 2002; Малиновский Л.В. Немецкие фермеры-колонисты и капиталистическое развитие Юга России в XIX-начале XX вв. // Немцы России в контексте Отечественной истории; общие проблемы и региональные особенности. – М., 1999; Бобылева С. И. Немецкие колонисты и социально-экономическое развитие Юга Украины первой половины XIX // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 1995.
6. Черказьянова И. В. Школьное образование российских немцев (Проблема развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII-XX вв.). – СПб., 2004; Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917-1938). – М., 1999; Безносова О. В. «Германский вопрос» глазами русских баптистов: религиозная вера и национальная самоидентификация // Немцы России в контексте Отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М., 1999; Бобилева С. Система освіти в німецьких та меннонітських колоніях Півдня України: становлення та розвиток (XIX – початок XX ст.) // Етнічна історія народів Європи: 36. наукович праць. Вип. 16. – К., 2004.
7. Осташева Н. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. – М., 1998; Турченко Г. Ф. Політичне життя німецькомовної етнічної групи Південної України в 1917-1918 рр.: проект «Крим-Таврида» // Південний архів. Історичні науки. Вип. 15. – Херсон, 2004; Безносков А. И. Гражданская война // Материалы к эциклопедии «Немцы России». Вип. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002; Он же: К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917-1921) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине. – Днепропетровск, 1996; Бобылева С. И., Кадол А. И. Антинемецкие кампании в России и судьбы немецкого населения в начальный период Первой мировой войны // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2005; Бобылева С. И. К вопросу о причинах трагических событий в меннонитских колониях Юга Украины в годы гражданской войны // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2005.
8. Айсфельд А. Немецкие этнические меньшинства в странах Средневосточной и Восточной Европы накануне и в первые месяцы Второй мировой войны в политике Третьего рейха / Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1945. – М., 2001; Герман А. А. Советские репатриационные документы Великой Отечественной войны в послевоенное время // Велика Вітчизняна війна 1941-1945 років: Сучасні проблеми історичної освіти і науки. – Дніпропетровськ, 2005; Клец В. К. Эвакуация и репатриация немцев и меннонитов Украины в 1943-1945 гг. // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2005; Он же: Участие этнических немцев Советского Союза в антифашистском движении на оккупированной территории (1941-1944) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941-1945. – М., 2001.
9. Осташева Н. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. – М., 1998; Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII- первая половина XIX в.) / Под ред. С. И. Бобылевой. Арт-Пресс, 1999; Вопросы германской истории: Сб. научн. статей. – Днепропетровск, РИО (РВВ) ДНУ, 1995-2005.
10. Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. – Днепропетровск: Оксамит-Текс, 2006.
11. Плесская-Зебольд Э. Г. Одесские немцы. 1803-1920. – Одесса, 1999; Шевчук В.А. О проблеме «мирного завоевания» Юга Украины немецкими колонистами (вторая половина XIX в. – 1914 г.) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине. – Днепропетровск, 1996.
12. Дынгес А., Дынгес Ю. Кто такие российские немцы? – Донецк, 2004.
13. Немцы в Крыму. – Симферополь, 2000.
14. Козирева М. Е. Слідча справа Новоамериканського загону самооборони // Велика Вітчизняна війна 1941-1945 років: Сучасні проблеми історичної освіти і науки. – Дніпропетровськ, 2005.
15. Велицын А. А., Платов А. А. Немцы в России. – СПб., 1893; Шелухин С. Немецкая колонизация на Юге России. – Одесса, 1915; Сергеев И. И. Мирное завоевание России немцами. –

- Петроград, 1917; Ренников А. (Селитренников А. М.). Золото Рейна. – Петроград, 1915.
16. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Эксмо, 2002. – С. 296.
  17. Там же.
  18. Мыш М. И. Об иностранцах в России. Сб. указаний, трактатов, конвенций с правительственными и судебными разъяснениями. – СПб., 1888; ПСЗРИ. – Т. XVI. – № 11853, № 11879, № 11880.
  19. Линдеман К. Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников: Указы 2.02 и 13.12 1915 и 19.08 1916 и их влияние на экономическое состояние Южной России. – М., 1917.
  20. Костюк М. П., Нойтац Д. Волынские немцы // Немцы России: Энциклопедия. – Т. 1. А-И. / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.). – М.: ЭРИ, 1999. – С. 395.
  21. ЦГИАП. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 30. Л. 48, 49; Линдеман К. Э. Указ. соч. – С. 132.
  22. Список населенных мест Херсонской губернии (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.). Изд. Херсонской Губернской Земской Управы. – Александрия, 1917.
  23. Український Vaterland. – Дніпропетровськ: Січ, 2005. – С. 11-12.
  24. Линдеман К. Э. Указ. соч. – С. 132. Там же.
  25. Український Vaterland.- Дніпропетровськ: Січ, 2005. – С. 13-14.
  26. Осташева Н. Промышленность и предпринимательство // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002. – С. 186.
  27. Осташева Н. «Лепп и Вальман» // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002. – С. 119.
  28. Осташева Н. Промышленность и предпринимательство // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002. – С. 187.
  29. Epp G. Mennonite – Ukrainian relation (1879-1945) // J.M.S. – 1989. – № 7. – P. 136.
  30. Плесская-Зебольд Э. Г. Одесские немцы. 1803-1920. – Одесса, 1999.
  31. Велицын А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. – СПб., 1893; Каменский П. В. Вопрос или недоумение. – М., 1895.
  32. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М., 1997; Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973; Дякин В. С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. – Л., 1971; Зеев В.С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1. Германские капиталы. – СПб., 1915.
  33. Линдеман К. Э. Указ. Соч., – С. 132.
  34. Вестник Европы, 1860. – Т. 3. Ч. 4. – С. 710.
  35. Бобылева С. И. Общественное мнение России конца XVIII – начала XX в. о российском немце // Вопросы германской истории: Днепрпетровск, 2004. – С. 23.
  36. Бобылева С. И. Материалы Особого Комитета как источник по истории судеб немецкого населения периода Первой мировой войны // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941 г. – М., 2002. – С. 495-506.
  37. Михайловский Г. М. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. – М., 1993. – Кн. 1. – С. 68.
  38. Анатомия революции 1917 года в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994.
  39. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Ф. 1216, Оп. 1, д. 96, л. 233, 235.
  40. Гражданская война на Екатеринославщине. – Днепрпетровск, 1968. – С. 35-36.
  41. Михайлюк О. В. Про деякі особливості соціально-політичної психології українського селянства в період революції та громадянської війни (1917-1920 рр.) // Питання аграрної історії України та Росії (XVIII-XX ст.). – Дніпропетровськ, 1999. – С. 146-152.